
КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

Денис Хрусталёв. Дмитриада. Начало. СПб.: Реноме, 2024. — 280 с.

15 мая 1591 года погиб царевич Дмитрий, сын Ивана Грозного. Было ли это заказное убийство (и кто тогда заказчик) или несчастный случай (согласно первичному заключению следственной комиссии В. Шуйского), до сих пор остается загадкой. Документов мало, подозреваемые в убийстве царевича были сразу же убиты, улики уничтожены, ключевые свидетели, мать царевича и сам Шуйский, неоднократно меняли свои показания: несчастный случай, спасение, убийство. Денис Хрусталёв, специалист по истории Древней Руси, предлагает свой опыт художественной реконструкции гибели царевича. В беседе с корреспондентом «Литературной газеты» (12 августа 2024) он так говорит о своем замысле: «Мне интересно было представить, что думали современники, как они представляли события, как пытались разобраться. В их информационном поле не было статей, публикаций, интернета — в их распоряжении были только слова, рассказы, слухи, видения. Как они с этим справлялись? Что за круги расходились по водной глади истории? Вот погиб царевич. Мало ли такого случалось?! Детская смертность, несчастные случаи — частотное явление. Но в нашем случае не так — событие в итоге сотрясло страну, повергло ее в Смуту, многие страдали, многие погибли. Герои книги проходят через эти страсти». Среди героев — политики, военные, иноземцы, дьяки, торговые люди — и дети... Кто-то становится невольным свидетелем драмы, а порой и ее соучастником, кто-то плетет изощренные интриги, кому-то пришлось вести расследование смерти царевича. В каждой из шестнадцати глав — свой герой, и у каждого из них свой «ареал» обитания: царские палаты, боярские усадьбы, купеческие подворья, посадские дворы, лесные дебри. И у каждого — свои заботы и тревоги: масштабные государственные; частные своекорыстные; приземленные насущные. Иногда их пути пересекаются, иногда нет, ибо находятся они на разных концах сословной лестницы. Среди персонажей личности известные, исторические. Умный и расчетливый Борис Годунов, который в скоропалительно начавшихся московских пожарах разгадал замыслы Нагих, родственников матери царевича, отстраненных от престола и загнанных в глушь, желающих вернуть себе власть да всласть пожить. Это они после гибели царевича подговорили угличских посадских на бунт, намеревались перенести бунт в Москву и в другие города. Метод знакомый: еще памятно, как такие же пожары пошли гулять по Москве, когда бояре выступили против Глинских. Главное, возбудить народ против действующей власти. (Годится на все времена.) Не исключено, что в бунтах был и английский след: Афанасий Нагой, опытный дипломат, что десять лет провёл в Крыму, из которых год под арестом, но даже оттуда умудрялся передавать вести в Москву, ныне едва ли не войско припас. Не на аглицкие ли деньги? Среди героев есть и аглицкий гость, лицо реальное, представитель Английской торговой компании англичанин Джером Горсей, по-русски Еремей, обворожительный красавец и предмет вождения царицы Марии, балбес с точки зрения Посольского приказа. Который, однако, лоббирует интересы британской торговли, занимается шпионажем «под дипло-

матическим прикрытием» и готов поучаствовать в политической жизни «москвитов». А в слугах при нем некто Уилл, Ульян, что рыдает над действием ярмарочных постановок, будущий Уильям Шекспир. Среди реальных лиц и хитрющий князь Василий Шуйский, мечтающий о московском престоле, и его соратники по следствию о гибели царевича. Ход сыска по «углицкому делу» изложен очень подробно, приведены обширные выписки из следственного дела. И в следствии, и в жизни героев романа особую, важную роль играют ведьмы и колдуны, свободно жившие в Угличе и окрестностях. Характерная особенность эпохи, когда сама вера в магические силы делала эти силы действительными. Вот и маленький, рыжий, прыщавый, с руками разной длины, с наростом на носу, с бородавкой над левым глазом, мальчик Юшка, сын московского стрельца и житель Углича, став невольным свидетелем злодеяния, учиненного над царевичем (видел, но не понял, как получилось), вынужденно бежит из Углича. По дороге встретит своего ровесника — здравомыслящего мальчика Кузьму из Нижнего Новгорода, где у его отца Мины мясная лавка на торгу. Попадет к разбойникам, от них к ведьме, а там и к Горсею. А пережив околосмертный опыт, уверует, что он есть царевич, которого пытались убить. Не Юшка, а Дмитрий. Читай — будущий Лжедмитрий. Во времена, когда ждали конца света, верили в колдовство, потусторонние силы, воскрешение, ангелов и злых духов, неудивительно, что и Годунов, и мать Дмитрия, и весь народ впоследствии искренне считали, что в Отрепьеве могла воскреснуть душа царевича. Каждому герою посвящена отдельная глава. Дважды героиней — начальной и финальной глав — становится лишь мать царевича Мария Нагая, в первой главе юная девочка, в четырнадцать лет ставшая супругой великого царя, в финале — безутешная мать, потерявшая ребенка. Ткань романа насыщена историческими реалиями: история рода Шуйских, основание Угличского кремля, бунты против Глинских. Есть и досадные неточности: запорожский чуб у Годунова, монашеский куколь на голове бабы, троеперстие, хотя до реформы Никона единственно верной обрядовой нормой оставалось двуперстие. Книга написана подчеркнуто современным языком, в тексте встречаются слова вроде «беспредел» или «амфитеатр» (в применении к постройкам того времени), «кинематографическая дорога». Но прямая речь героев выдержана без современной лексики. Не без классики. «Живая власть для черни ненавистна, любить они умеют только мертвых» — в устах Бориса Годунова. Узнаваемо? Окончательную версию давней гибели царевича Дмитрия автор не предоставит. Есть лишь намек. А не Мария Григорьевна, дочь Малюты Скуратова, тайно или явно подтолкнула убийц? Д. Хрусталёв соединил разные, но колоритные миры, наполнив их множеством персонажей, центральных ли, второстепенных, но безусловно «всамделишных», в единый большой многоголосый русский мир конца XVI века, охватив при этом широкое пространство Московской Руси: Москва, Поволжье — Углич, Нижний Новгород, Ярославль, — Архангельск. И мир этот получился очень достоверным.

Оленина А. А. Дневник. Воспоминания / Сост., коммент. Л. Г. Агамаян и В. М. Файбисовича. — 2-е изд., испр. и доп. — СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2024. — 453 с.

Юной Анне Алексеевне Олениной (1807—1888) Пушкин посвятил более 10 стихотворений («Ее глаза», «Пустое Вы сердечным ты...», «Не пой, красавица, при мне»...) и многие строфы «Онегина». Она была младшей дочерью А. Н. Оленина, совмещавшего две важные должности — директора Императорской Публичной библиотеки и пре-

зидента Императорской Академии художеств, что делало его одной из центральных фигур в литературно-художественной жизни столицы. В доме Олениных собирались выдающиеся люди первой трети XIX века. И в съемном городском особняке на набережной Фонтанки, и в пригородной усадьбе Приютино, находившейся в 17 верстах от центра столицы, усилиями хозяина и его супруги была создана удивительная атмосфера гармонии и добра. Таланты маленькой Аннет расцветали в идиллической обстановке. Ей было чуть более девяти лет, когда дом Олениных впервые посетил «юноша Пушкин». Спустя десять лет поэт, вернувшийся из ссылки в Петербург, вновь стал частым посетителем салона Олениных и своим человеком в Приютине. Анна Алексеевна уже была назначена фрейлиною. При дворе считалась одной из выдающихся красавиц. Хорошо пела, кроме неизбежного французского, знала английский и итальянский языки, играла на фортепьяно и превосходно владела искусством верховой игры. Она выделялась блестящим игривым умом и любовью ко всему изящному. Была миниатюрна, очаровательна и жизнерадостна. Впервые испытала глубокое сердечное чувство, оставшееся безответным. А весной на ее горизонте появился А. Пушкин, затмивший возможных претендентов на ее сердце. О том, как складывались отношения Пушкина и Олениной, как проходили их встречи, подробно рассказывает во вступительной статье «Пусть все мысли мои в нем сохраняются...» В. Файбисович. Пушкин просил руки Анны Алексеевны, но получил решительный отказ. Существует несколько версий причин отказа, они также изложены в предисловии. В. Файбисович считает, что увлечение Анны Алексеевны Пушкиным было продиктовано тщеславием, столь простительным в 20 лет. Серьезность намерений Пушкина отрезвила ее, а его порывистой и безудержной натуры она просто побаивалась. 5 сентября 1828 года Пушкин нанес последний визит в Приютино, встречен был холодно. Анна Алексеевна вышла замуж в возрасте 32 лет. Ее мужем стал полковник лейб-гвардии Гусарского полка Ф. А. Андро. В 1844 году она переехала с ним в Варшаву, где прожила около 40 лет. Дневник Олениной дошел до нас по счастливой случайности, сохранившись в годы войн и революций у ее внучки. В 1920-х годах внучка отдала его своей двоюродной сестре О. Оом, эмигрировавшей во Францию. В 1936 году О. Оом опубликовала его, предпослав ему краткое посвящение. Публикация была замечена в СССР, но серьезно пушкинисты обратились к дневнику уже после войны. В 1966 году сын О. Оом, В. Звезгинцев, принял решение отправить на родину часть семейного архива. Через И. Зильберштейна он передал в Центральный государственный архив литературы и искусства рукопись в темно-красном сафьяновом переплете с золотым обрезом и тисненной золотом надписью «Annette» — дневник А. Олениной. И две главы ее воспоминаний. Исследования показали, что в парижском издании текст дневника приведен не полностью, притом со многими неточностями, перестановками, изменениями. Недочеты были и в публикациях дневника в России. Со дня выхода предыдущего издания (СПб., 1999) дневника миновало почти четверть века. За это время появились важные публикации, связанные с семьей Олениных, обнаружены новые документы и изобразительные материалы. Настоящий текст публикуется по оригиналам, хранящимся в РГАЛИ, «журнал» и записки А. Олениной представлены в полном объеме, с дополнениями и исправлениями неточностей. Журнал велся на русском и французском языках, преимущественно в 1828—1829 годах, но в нем есть и отдельные записи 1830—1831 и 1835 годов. История семьи Олениных неразрывно связана с большой русской историей. Первенец А. Оленина, Николай, погиб в битве при Бородино. Кенотаф, установленный в 1813 году родителями в память о сыне, и по сей день, хоть и полуразрушенный временем, стоит в парке Приютина. Сын Петр служил в Семеновском полку, где в октябре 1820 года произошли беспорядки. Знако-

мые и родные Олениных оказались замешаны в движении декабристов. Только благодаря заслугам отца Петру удалось избежать наказания. Не обошло стороной Олениных и знаменитое наводнение 7 ноября 1824 года. Однако дневник А. Олениной не может служить ни хроникой ее эпохи, ни даже хроникой ее семьи: многие важные семейные события — свадьбы, рождения племянников, смерти близких — остались за пределами дневника. Есть отголоски. Отзвуком на декабрьское восстание является упоминание о благодарственном молебне, который она отслужила при известии, что с узников сняли цепи. Другим источником волнений в 1828—1829 годах для нее стала русско-турецкая война, в которой принять участие намеревался ее брат Алексей. Основной лейтмотив дневника — мечта о любви и создании семьи; его содержание — история увлечений Анны. А ее позднейшие воспоминания стали для нее внутренним убежищем от неурядиц лишенной тепла семейной жизни, прошлое приобретало идеальные черты. «Помните ли вы то счастливое время, где мы были молоды и веселы, и здоровы! Где Пушкин, Грибоедов и вы сопутствовали нам на невском пароходе в Кронштадте. Ах, как все тогда было красиво и жизнь текла быстрым шумливым ручьем...» — писала Анна Алексеевна П. А. Вяземскому 18 апреля 1857 года, как будто и не было в этом прошедшем страданий неразделенной любви, мучительной нервной болезни, уязвленного самолюбия красавицы, которую не берут замуж, — и даже бури с грозой и ливнем на обратном пути из Кронштадта. И все-таки дневник и воспоминания А. Олениной — ценнейший памятник русской мемуарной литературы, в котором имена Пушкина и Крылова, Вяземского и Грибоедова, Мицкевича и Виельгорского, Глинки и Гумбольдта органично и простодушно вплетены в ткань повседневно повествования. «Эти имена, — пишет В. Файбисович, — мелькают на исповедальных страницах засидевшейся в девушках красавицы, всплывают в потоке городских новостей (порою с легким привкусом сплетни), любовных драм и светских интриг». А обширные, богатые комментарии, в деталях воссоздающие далекую эпоху и страсти живших в ее время людей, делают прошлое близким.

Владимир Конецкий. Русь Новгородская: первые века. 2-е изд. СПб.: Крига, 2024. — 400 с.

Новгородский историк высказывает свой взгляд на древнюю историю северо-запада России и ее исторического центра — Новгорода. Владимир Конецкий опирается на исследования в области истории, археологии, антропологии, этнографии, языкознания. Его труд охватывает огромный период: с глубокой древности — эпохи неолита — до XI века. Автор идет по следам наших забытых предков, ищет исчезнувшее племя, оставившее длинные волнообразные насыпи-курганы на псковско-новгородских землях. Погребения, языческие храмы? Стремясь разгадать, кем были древние насельники нашего Северо-Запада, В. Конецкий создает яркую и динамичную картину, в которой есть место и скандинавам, и хазарам, и болгарам, и балтийским племенам — пруссам и курушам. Миграционные процессы древности, вызванные прежде всего перенаселением, во второй половине I тысячелетия привели в Приильменье первых славян. В настоящее время, указывает автор, единое мнение по поводу исходной точки миграции отсутствует. Традиционная и наиболее распространенная: будущую Новгородскую землю заселили выходцы из коренных славянских территорий севера Украины и юга Беларуси, согласно другой — предки новгородцев вышли из Балтийского Поморья. Сам автор отдает приоритет первой. По ходу книги он постоянно при-

водит разные, порой противоречивые гипотезы, толкования, интерпретации. Высказывает свою точку зрения. Разбирая летописи, исследователь стремится определить, что можно считать фактом, а что выдумкой, кто является реальным действующим лицом, а кто фантомом. Кто они, Словен, Буригой, Гостомысл, Вандал и пришедшие им на смену то ли скандинавы, то ли западные славяне — Рюрик со товарищи? А был ли Рюрик? Какое влияние на содержание летописей оказали международный фон, политические и социальные реалии Ладоги? Что можно считать оригинальным авторским воззрением, а что заимствованным? Откуда есть пошло имевшее много оттенков слово «русь», не раз менявшее свое значение во времени, и связано ли оно с Рюриком? Естественно, автор рассматривает и рождение «норманнской теории», и многовековые страсти вокруг нее. В. Конецкий подробно пишет о том, как происходил процесс освоения территории, являвшей собой почти сплошной массив лесов и болот, будущей Новгородчины. Пишет о рождении нового города, уходящего вниз по течению Волхова от первоначального центра — Рюрикова городища, о становлении Новгорода как центра Северной Руси. Он воссоздает жизнь древних новгородцев: образ жизни, торговля, быт, социальное устройство, материальная культура, сочетавшая славянские и скандинавские элементы. Реконструирует топографию средневекового города, отмечает характерные черты новгородских усадеб. Указывает, что мост через реку Великую — место публичных казней (обвиняемых сбрасывали в Волхов, передавая их судьбу в Божьи руки) и кулачных боев между жителями Софийской и Торговой сторон — для X века невероятен по конструкции. Он обозначает культовые места в Новгороде: языческие святилища и первые христианские храмы, раскрывает сакральные смыслы языческих обрядов, подробно с комментариями, пишет о том, как крестил Новгород Добрыня, которому, согласно Иакимовой летописи, противостоял главный языческий жрец Богомил, прозванный за красноречие Соловьём. Героями книги являются и первые русские князья: Олег, Ольга, Игорь, Святослав, Владимир. Поступки, мотивация, действия, достижения, отношения между собой и с новгородцами. Неожиданно ряд вопросов древней истории выглядит актуально. Так, автор дает ответ на вопрос, являются ли северные великороссы ославляемыми финнами, или аборигенное население вовсе не принимало участие в формировании древнерусской народности. Исследуя, как были связаны между собой славяне (летописные кривичи), финно-угорские племена, загадочная чужь, опираясь на археологические данные и древние источники, автор доказывает, что русский народ, а соответственно, и новгородцы произошли от славян. Он считает, что финно-угры сыграли роль в формировании новгородцев как особой культурно-языковой группировки в составе населения Древней Руси, но пассивную. Что контакты племен на раннем этапе могли быть отнюдь не дружественными, но постепенно приобретали более мирный характер, и темпы ассимиляции существенно ускорялись с исчезновением хозяйственно-культурного барьера при заключении межэтнических браков. Это скандинавы были славянизированы, когда возникла необходимость контроля над северным отрезком торговых путей между Ладогой и будущим Новгородом, и скандинавы и славяне вынужденно консолидировались, когда потребовалось устоять против новых волн выходцев «из-за моря». В центре внимания автора находится ключевой момент национальной истории: а именно где начинается история нашего государства. В Киеве, провозглашенном «матерью городов русских»? Или в Новгороде, которому долгое время отводилась роль незначительной крепости, построенной киевскими князьями на окраине их владений? Безусловный приоритет Киева утвердился с конца 30-х до начала 80-х годов прошлого века по причинам, не имеющим прямого отношения к науке. Но

все-таки именно в Новгороде был установлен монумент, посвященный началу Руси, свидетельство признания важнейшего значения Северо-Западного региона с центром в Новгороде на раннем этапе сложения древнерусской государственности. Особая роль Новгорода в средневековой истории неоспорима. Необходимость контроля над международными торговыми путями Восточной Европы привела Олега в Киев. В дальнейшем Новгород стал гарантом единства Руси. Когда из-за княжеских междоусобиц возникала угроза распада государства, именно новгородские князья с помощью местных воинов и наемников-варягов овладевали Киевом, восстанавливая единство Севера и Юга. Новгородцы преследовали собственные интересы, но объективно они при этом способствовали становлению единого государства. Территория этого центра Северной Руси превосходила по площади любую из европейских стран того времени. Новгород надежно защищал границы русских земель от попыток агрессии с запада. Избежав монголо-татарского нашествия, он обеспечил непрерывность национального культурного развития. А объединение Новгорода с Москвой в конце XV века сыграло решающую роль в становлении России как одного из сильнейших государств в Европе.

Татьяна Верижникова. Иван Билибин. Эскиз портрета художника.

Научно-популярное издание. СПб.: Аврора, 2023. — 64 с., 46 ил. — (Серия «Библиотека» Авроры).

С творчеством художника Ивана Яковлевича Билибина (1876—1942) знакомы даже те, кто никогда не слышал его имя. Это его иллюстрации к книгам, с которыми мы знакомимся в детстве, сделали зримым и ярким волшебный мир русских сказок и былин. Непроходимые лесные чащи, петляющие реки, прячущиеся озера, окаймленные орнаментами, по которым бегают волки, растут подсолнухи и мухоморы, каркают воронята. Притулившиеся у дорог тихие деревушки, затаившиеся в дебрях избушки на курьих ножках, вышедшие на открытое пространство затейливые терема и роскошные царские чертоги. Мир, населенный сказочными красавицами, бесстрашными царевичами, могучими богатырями, говорящими животными и птицами, неведомыми зверюшками и существами. Сказочный мир русской старины Билибин творил и в театральных декорациях и костюмах, сделав серию блистательных работ в этой области. Много работал в журнальной графике, оттачивая различные типы композиций: титульные листы, заставки, виньетки, концовки, орнаментальные рамки. Он создал множество графических миниатюр: экслибрисы, марки-эмблемы, открытки, плакаты, меню, почтовые марки, этикетки. Это сложный и трудоемкий вид искусства, требующий ювелирной точности мельчайших линий и их обобщения и композиции. Билибин — автор ряд статей по русскому народному искусству, пробуждавших интерес к сохранению памятников русского деревянного зодчества и национального русского стиля, прикладного искусства. Россия всегда являлась центральной темой в творчестве художника. Но с той же чувственно осязаемой жизненностью и характерностью, с какой Билибин воссоздавал родную русскую старину, он воссоздавал экзотический Восток Черномора и окутанный иероглифической вязью Древний Египет, сурово-сдержанную, молчаливую Испанию и пряную, скрытую орнаментальной фатой Индию. В театре он одинаково свободно воспроизводил национальный стиль в эскизах декораций и костюмов по испанской, английской, египетской теме, в иллюстрациях к западноевропейским книгам искусно увязывал литературную идею

и графический образ. Он один из тех, кто творил Серебряный век русской культуры, превосходно знал историю, искусство, этнографию, археологию, с уважением относился к культуре разных стран и эпох. Культуру русского Серебряного века он нес и далеко за границы России. Но и новые впечатления обогащали его палитру. Татьяна Верижникова рассказывает о творчестве и судьбе художника. Семья, выбор пути — из правоведа в художника, становление художника, влияния, формирование манеры письма, рост профессионального мастерства, художественные задачи и решения, тайны мастерства, искусствоведческий анализ конкретных произведений и работ разных жанров, на родине и за рубежом, дополненный иллюстрациями. Исследователь считает, что важнейшие впечатления, ставшие для художника судьбоносными, определившими центральную тему в его творчестве, — поездка в 1899 году в тверскую деревню и картина В. Васнецова «Богатыри». Т. Верижникова дает определение тому, что вкладывается в понятие «билибинский стиль»: безошибочное чувство национального в образной идее, талант и мастерство. На репродукции с портрета работы Б. Кустодиева (1901) Билибин предстает как красивый, элегантный молодой человек, самодостаточный, уверенный в себе, с живым огоньком в глазах. «Он был большим эстетом, — пишет Т. Верижникова, — его строгий взыскательный вкус проявлялся во всем, что его окружало, — в обстановке квартиры или мастерской, похожих на музеи, в одежде». По воспоминаниям современников, он был «всегда слегка надушен, с выхоленными руками и кружевным белым платком, кокетливо выглядывающим из бокового карманчика пиджака (или визитки), он не любил ничего кричащего, пестрого и выглядел (на первый взгляд) натянутым „светским человеком“, будучи по натуре чрезвычайно прост и общителен». В 1919 году этот эстет оказался в трюме завшивленного эмигрантского парохода, отправившегося из охваченного паникой Новороссийска в Египет. Иван Яковлевич вспоминал: «Ехали в полутемном трюме, в темноте и духоте. Беженцы спали на полу, сбившись семейными кучками. Безостановочно стоял крик и плач детей». Зигзаг российской истории привел художника под Каир в концентрационный лагерь Тель-эль-Кебир в раскаленной пустыне. И здесь Билибин, выдержавший тяготы исхода, затосковал и впал в отчаяние. «Черный период» закончился, когда он получил разрешение на кратковременные отпуска в Каир. Его репутация и профессиональная работа спасли его и как человека, и как художника. Он делал эскизы интерьеров для тамошних греческих купцов, рисовал портреты, пейзажи, декоративные композиции, фрески во всех стилях и любых размеров. Но и Каир, а затем Александрия подарили ему новые, яркие впечатления, «словом, садись и рисуй восточную сказку». Европейская сказка оказалась все-таки ближе. В 1925 году Билибин переезжает в Париж, где много и плодотворно работает в театре и в книгоиздательствах. Множество оперных трупп, выехавших из России, забрасывают художника заказами. В 1936 году, несмотря на парижский успех, Бибилбин возвращается на родину. К северным лесам, наличникам и куполам. К людям, которые говорят на родном языке. Он едет в Ленинград и сразу же начинает преподавать в графической мастерской Всероссийской Академии художеств, получает заказы на оформление книг, на декорации и костюмы к спектаклям. Он все так же востребован, его оценивают по достоинству, присваивают степень доктора искусствоведения. Судьба Билибина не была легкой, а жизнь ровной. При всей своей творческой востребованности и внешнем благополучии он не раз был несчастлив в личной жизни: два расторгнутых брака и одна отвергнутая любовь — раны художника. В конце жизни он совершит гражданский подвиг. Он откажется эвакуироваться по «Дороге жизни» из блокадного Ленинграда — количество мест ограничено, надо оставить их для женщин и детей. И ска-

жет: «Из осажденной крепости не бегут, ее защищают». Иван Билибин умер в возрасте 66 лет в первую блокадную зиму в вековых подвалах Всероссийской Академии художеств, где в 1941—1942 годах размещался стационар-бомбоубежище для сотрудников. Жизнь и судьба художника и его творений в маленькой, но емкой книге.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит издательства
за предоставленные книги